

Киньчжоускій бой ¹⁾.

(Окончаніе).

Теперь посмотримъ, что дѣлалъ полковникъ Третьяковъ, когда узналъ, что противникъ ворвался на позицію.

Я много слышалъ объ этомъ, но говорить воздержусь, мало-ли что говорятъ. На судѣ вскользь коснулись этого вопроса, а потому сказано было мало, но то малое было очень горько для полковника Третьякова.

Здѣсь я познакомлю только съ тѣмъ, что полковникъ Третьяковъ самъ о себѣ говоритъ въ своей статьѣ „5-й В.-С. стр. полкъ“—(смотри В.-С. № 2 за 1909 г. стр. 84 и 85). Для непосвященнаго трудно разобраться въ томъ, что пишетъ полковникъ Третьяковъ.

Мѣсто дѣйствія,—батарея-редутъ № 13, послѣднее слово науки; въ горжевой сторонѣ небольшой, но совершенно свободный проходъ. Редутъ расположенъ на высшей точкѣ позиціи или горы Наншана. Отъ этой точки идетъ пологій скатъ на сѣверъ къ городу, что даетъ возможность разомъ обнять позицію и видѣть каждую ея точку. Отсюда начинается главный оврагъ. Такое положеніе редута давало ему значеніе ключа позиціи, почему и было выбрано мѣсто-пребываніемъ коменданта; тамъ для него былъ выстроенъ хорошій блиндажъ, совершенно безопасный отъ огня полевой артиллеріи. Большое преимущество этого редута составляло то, что онъ былъ расположенъ на краю крутого южнаго ската, что давало возможность собирать и располагать резервы въ безопасномъ мѣстѣ, конечно, относительно, и въ то же время можно было видѣть, что дѣлается въ тылу и въ обоихъ заливахъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“, мартъ 1910 г.

„Около 6-ти часовъ“, пишетъ Третьяковъ, „ранили полкового горниста; я самъ повелъ его въ блиндажъ для перевязки. Съ лѣваго фланга люди въ желтыхъ курткахъ шли уже группами, не прошло и пяти минутъ, какъ вошелъ въ блиндажъ подпоручикъ Садыковъ и доложилъ, что лѣвый флангъ отступаетъ. Я выбѣжалъ изъ блиндажа и увидалъ, что желтыя куртки отступаютъ массами, а надъ 5-й и 7-й ротами рвалась шрапнель. Японскія цѣпи лежали на своихъ мѣстахъ, и ничто не показывало признаковъ ихъ скорого наступленія. Понявъ, что это отступаютъ всѣ охотники, а за ними могутъ пойти и всѣ остальные, я сбѣжалъ внизъ къ резерву и приказалъ присланнымъ генераломъ Фокомъ частямъ (1½ роты 14-го полка) двинуться противъ показавшихся уже на № 10 японцевъ. „Атаковать“,—сказалъ я, указывая рукою, кого атаковать и гдѣ. Послѣ этого я вскочилъ на лошадь и поскакалъ къ отступающимъ, а не вскочилъ въ окно, какъ утверждалъ командиръ 2-й роты 14-го полка капитанъ Ратайскій“.

Изъ этого признанія видно, что полковникъ Третьяковъ не придалъ никакого значенія первымъ группамъ отходившихъ охотниковъ и продолжалъ оказывать санитарную помощь своему горнисту, пока поручикъ Садыковъ не обратилъ на это его вниманія.—Онъ выбѣгаетъ изъ блиндажа, видитъ, что полкъ еще стоитъ, японская цѣпь и не думаетъ двигаться, отходятъ одни охотники. „Я рѣшилъ“, говоритъ онъ, „остановить ихъ, чтобы двинуть въ атаку за резервомъ противъ появившихся на батар. № 10 японцевъ“.

Повидимому, полковникъ Третьяковъ противорѣчитъ себѣ: онъ говоритъ, что цѣпь не думаетъ двигаться, и въ то же время она появилась на бат. № 10; а эта батарея была не ближе версты отъ цѣпи. Но это такъ и было.

Когда онъ выбѣжалъ и взглянулъ въ даль, онъ дѣйствительно могъ видѣть спокойно лежавшую цѣпь, но, когда опустилъ глаза, онъ могъ видѣть японцевъ на бат. № 10-й, такъ какъ оврагъ подходилъ къ самой батарее, а японцы уже давно въ немъ сидѣли и ждали только приказанія.

Поручикъ Садыковъ на судѣ показалъ, что въ блиндажѣ всѣ занимались уходомъ за раненымъ, онъ случайно вышелъ и видѣлъ, что кругомъ ходятъ одиночные японцы.—Онъ вбѣжалъ въ блиндажъ и крикнулъ: „японцы“. Всѣ выбѣжали изъ блиндажа и затѣмъ бросились внизъ къ баракамъ, къ резерву. Полковникъ Третьяковъ говоритъ въ своихъ показаніяхъ, что, когда онъ бѣжалъ изъ редута № 13, за нимъ гнались японцы.

Въ настоящей статьѣ онъ избѣгаетъ говорить объ этомъ случаѣ,

а только мимоходомъ сказалъ, что въ окно вскочилъ не онъ, а японецъ.

Изъ всего этого одно несомнѣнно, что когда выбѣжалъ изъ блиндажа полковникъ Третьяковъ, то японцы уже занимали бат. № 10, а одиночные люди находились уже въ тылу батарей 12-й и 13-й.

Когда Третьяковъ сбѣжалъ къ баракамъ, онъ приказалъ начальнику резерва атаковать японцевъ на бат. № 10 и въ то же время жестомъ указалъ эту батарею.

Этимъ приказаніемъ онъ озадачилъ начальника резерва, такъ какъ тотъ никогда не былъ на позиціи и батарей не видалъ; жестъ ему также не указывалъ батареи № 10, а только небо. И не могъ указать батареи, такъ какъ они оба стояли внизу, у подошвы крутого, южнаго ската, высотой сажень въ 30,—а бат. № 10 была въ верстѣ на противоположномъ сѣверномъ скатѣ.

Отдавъ такое странное приказаніе, онъ сѣлъ на лошадь и поспекалъ за отступающими. Теперь вопросъ: кого онъ могъ остановить, за кѣмъ онъ могъ погнаться? По его же словамъ, весь полкъ былъ на своемъ мѣстѣ; резервъ, мы видѣли, былъ также на своемъ мѣстѣ, 2-я рота 13-го полка Ратайскаго была тутъ же, часть охотниковъ сбѣжала съ горы съ нимъ вмѣстѣ, слѣдовательно, онъ гнался за охотниками, что онъ и самъ утверждаетъ, но охотниковъ было всего не болѣе 200 чел. На судѣ выяснилось, что охотники отступили послѣдними; но допустимъ, что было такъ, какъ утверждаетъ полковникъ Третьяковъ, то стоило ли изъ-за этихъ 200 чел. коменданту позиціи бросить свой постъ редутъ № 13, ключъ позиціи, отказаться отъ имѣвшагося у него подъ рукою резерва, который численностью превосходилъ охотниковъ? Сверхъ того около этого резерва стали собираться люди, тутъ же была и вся 2-я рота. 4-я рота находилась у бат. № 15 тутъ же внизу. Надо имѣть еще въ виду, что люди, которые оставляли свои окопы, не рѣшались уйти съ позиціи, а ютились въ заднихъ окопахъ, которые были около самыхъ барачковъ. Люди даже 5-й роты, которые еще утромъ оставили свои окопы, какъ было доказано на судѣ, и тѣ ютились тутъ.

Вотъ полковнику Третьякову тутъ и слѣдовало искать людей и вести ихъ въ бой, а не въ чистомъ полѣ. Вотъ этотъ весь народъ, когда увидалъ, что командиръ полка бросилъ ихъ, и бросился вслѣдъ за нимъ. До этой минуты ни одинъ стрѣлокъ не оставлялъ позиціи, а только мѣняли окопы,—изъ разбитыхъ уходили въ цѣлые.

Далѣе онъ пишетъ: „я надорвалъ себѣ горло, крича имъ: „стой, стой, братцы“. Но они въ свою очередь кричали мнѣ: „ваше высокоблагородіе, приказано отступать“. Кто приказалъ отступать, я не ра-

ковникъ Третьяковъ оставаться на своемъ бивакѣ не рѣшался, такъ ему оставалось одно: глядѣть на него издали, что онъ и сдѣлалъ.

Онъ продолжаетъ. „Когда люди остановились, я посмотрѣлъ назадъ на высоту: оттуда двумя группами спускались наши стрѣлки, вѣроятно 5-я и 7-я роты. № 13 былъ занятъ японцами. Притянулъ бат. 14 полка, и подошли мои конные охотники со знаменемъ. Мы спокойно ожидали наступленія непріятеля. На правомъ флангѣ слышалась сильная пальба. Атаковать насъ японцы что-то не рѣшались“.

Заслуживаетъ вниманіе, что онъ, окруживъ себя конниками, спокойно ожидаетъ атаки и такъ же спокойно слушаетъ сильную пальбу, свидѣтельствующую, какъ избиваютъ покинутыхъ имъ людей.

Итакъ, когда стало извѣстно полковнику Третьякову, что японцы обнаружены на позиціи главнымъ образомъ у бат. № 10,—онъ оставилъ редутъ-батарею № 13, сбѣжалъ къ баракамъ, приказалъ резерву сбить японцевъ съ бат. № 10, а самъ вскочилъ на лошадь, проѣхалъ задніе окопы, составлявшіе границу позиціи, и поскакалъ по полю, до расположенія бат. 14-го полка, гдѣ притянулъ къ себѣ конныхъ охотниковъ и сталъ наблюдать за ходомъ битвы.

Теперь я, по праву начальника, позволю себѣ указать генералу Третьякову на тѣ ошибки, которыя при этомъ были имъ сдѣланы, тѣмъ болѣе, что по тону этого разказа не видно, чтобы онъ сознавалъ ихъ.

Мнѣ казалось, что генералу Третьякову не слѣдовало кидать редутъ № 13, не только оттого, что японцы показались на бат. № 10, но если бы показались даже и одиночные люди у бат. № 13. Это вѣдь ключъ позиціи. Надо было тотчасъ притянуть весь резервъ, на что требовалось всего пять минутъ, и расположить его на чудной площадкѣ, уперевъ правый флангъ въ редутъ № 13—лѣвый въ бат. № 12. Тутъ были прекрасные окопы, въ которыхъ сидѣть во время бомбардировки было трудно, но когда шла атака, огонь прекратился, онъ былъ перенесенъ въ тылъ; 11-ую роту и часть 12-й также притянуть къ бат. № 2. Ротамъ и командамъ, между которыми были и саперы, расположеннымъ около бат. № 15, приказать перейти въ наступленіе. Ротѣ Ратайскаго тоже приказать поддержать резервъ, тогда и тѣ роты, которыя генералъ Третьяковъ видѣлъ, окруженный конниками, спускающимися съ горы, приняли бы участіе въ боѣ. Но достаточно было примкнуть только резервъ и открыть имъ хоть самый беспорядочный огонь, чтобы поставить японцевъ въ ужасное положеніе: они вѣдь набили собою всѣ овраги и, какъ саранча, выползали оттуда; они были совершенно беззащитны, а мы могли выбрасывать въ каждую минуту до 4.000 пуль. Чѣмъ бы кончился

бой, не знаю, но во всякомъ случаѣ роты подполковника Бѣлозера не погибли бы такъ ужасно.

Все это, хотя и грустно, но понятно: неожиданный крикъ: „японцы“, затѣмъ какимъ-то образомъ Третьяковъ и японецъ добѣгаютъ до барака, гдѣ послѣдній и исчезаетъ. Но разъ полк. Третьяковъ освободился отъ японца, ему надо было прийти въ себя, овладѣть собою, и если не встать во главѣ своего резерва, то по крайней мѣрѣ не переступать рубежъ своего поста, а по мѣрѣ силъ и способности руководить боемъ, и, если понадобится бы, то не задуматься погибнуть, не только защищая себя, а какъ благородные Бѣлозеръ и Шастинъ, выручая своихъ товарищей. Комендантъ и въ мирное время не можетъ переступить за черту своего района, и за этимъ строго наблюдается, потому что въ этомъ видятъ залогъ того, что комендантъ и въ роковую минуту не покинетъ своего поста.

„Уже была ночь, когда“, говоритъ Третьяковъ, „получилось приказаніе 14-му и 15-му полкамъ отступить, и я, оставивъ конные дозоры для наблюденія за непріателемъ, съ конною командой пошелъ въ Нангалинъ. Двигаясь по дорогѣ отъ дер. Мойдзы къ Нангалину, я встрѣтилъ нашу 7-ю роту и въ обширной долинѣ увидѣлъ всю 4-ю дивизію. Тутъ же я нашелъ отступившія роты 5-го полка и приказалъ выяснитъ убыль“.

Казалось бы, слѣдовало всю охотничью команду оставить для наблюденія за непріателемъ, а себѣ оставить одинъ дозоръ, а не наоборотъ. Всѣ прочіе полки такъ и сдѣлали.

Теперь спрашивается: кого онъ собралъ на „нами“ выбранной позиціи? 7 роту онъ, какъ конникъ, догналъ на дорогѣ, а на общемъ бивакѣ дивизіи нашелъ и остальные роты.

Итакъ, 5-й полкъ бился безъ командира полка и на бивуакъ пришелъ безъ него же, такъ зачѣмъ же былъ онъ!?!

Въ бытность мою на службѣ, со мною былъ слѣдующій случай. Я командовалъ 17 стрѣл. полкомъ, который стоялъ въ Маріамполѣ, Сувалкской губ., тамъ же стоялъ Елисаветградскій гусарскій полкъ. Командиръ полка полковникъ Нордъ умеръ. Я, какъ комендантъ, сдѣлалъ нарядъ на погребеніе, но день похоронъ совпалъ со днемъ выступленія полка на весенній сборъ, о чемъ мнѣ доложилъ командовавшій полкомъ. Я приказалъ выступить послѣ похоронъ. Начальникъ дивизіи и командиръ корпуса не считали себя въ правѣ отступить отъ утвержденнаго распisanія и требовали, чтобъ я отпустилъ полкъ. Я имъ обомъ отказалъ, мотивируя тѣмъ, что въ еврейскомъ городѣ я неторжественныхъ похоронъ не могу допустить, командиръ полка въ такихъ городахъ большая персона, вообще, а полковникъ Нордъ умѣлъ особенно себя держать. Случись это въ

православномъ городѣ, я, можетъ быть, и не настаивалъ бы. Мое рѣшеніе было обжаловано командующему войсками генералу Николаю Степановичу Ганецкому. Тотъ телеграфировалъ мнѣ: „поступить по закону“. Тотчасъ полкъ выступилъ, оставя нарядъ.

На похороны пріѣхали начальникъ дивизіи, командиры полковъ и другіе. Я явился начальнику дивизіи, но объ этомъ недоразумѣніи у насъ разговора не было. Выносъ тѣла изъ квартиры въ церковь былъ очень скромный, тутъ мнѣ показалось, что у начальника дивизіи пробудилась совѣсть. Но полкъ у меня былъ готовъ: занятія были отиѣнены, и люди были во вторыхъ мундирахъ, въ караульной аммуниціи.

Когда процессія вошла въ церковь, я приказалъ полку выйти и поставилъ его шпалерами отъ церкви до кладбища.—Какъ только показался гробъ, музыка заиграла „Коль-славень“.—Эффектъ былъ полный, этого гости никакъ не ожидали.

Объ этомъ случаѣ узналъ генералъ Драгомировъ, и отъ него я получилъ слѣдующее письмо:

„Въ одномъ изъ сраженій французскій кавалерійскій полкъ потерялъ командира полка. Наполеонъ I спрашиваетъ: гдѣ вашъ командиръ полка? Убить, отвѣчаютъ ему. Онъ повторяетъ свой вопросъ и вторично получаетъ такой же отвѣтъ. Наполеонъ въ третій разъ задаетъ тотъ же вопросъ, но на этотъ разъ командующій полкомъ, вмѣсто отвѣта, ведетъ полкъ въ атаку и привозитъ трупъ командира полка“.

Генералъ Ганецкій пригласилъ меня на большіе кавалерійскіе маневры, приказалъ дать мнѣ лошадь; первыя его слова, когда я ему являлся, были: „благодарю васъ за похороны полковника Норда“.

Вотъ какъ было въ старину, и чего теперь у насъ нѣтъ.

Полкъ не можетъ остаться ни одной минуты безъ командира полка, и командиръ полка ни одной минуты—безъ полка. Полкъ дерется, и командиръ посреди его, полкъ бѣжитъ, и командиръ бѣжитъ впереди его.

По прибытіи дивизіи въ Артуръ я приказалъ удалить капитана Фофанова отъ роты и предать суду.—Отъ роты онъ немедленно былъ удаленъ, но полковникъ Третьяковъ сталъ просить меня не предавать его суду, я не соглашался. Тогда онъ обратился къ начальнику штаба дивизіи и просилъ его заступничества; онъ между прочимъ писалъ ему.

Записка полковника Третьякова начальнику штаба 4-й дивизіи отъ 27 мая, 4 ч. 10 м. утра.

. . . . „Пожалуйста похлопочите, чтобы генералъ Фокъ не

былъ жестоко съ нашимъ достойнымъ капитаномъ. Простоять 15 час. подъ убійственнымъ огнемъ, разрушавшимъ окопы роты, что-нибудь да стоять. Отступленіе 5-й и 7-й ротъ имѣло, правда, рѣшающее значеніе, но обстоятельства были таковы, что оправдывали отступление. Я не помню примѣра, чтобъ офицера судили за отступление передъ въ десятеро сильнѣйшимъ непріателемъ“.

А вотъ рапортъ полк. Третьякова—миѣ.

„25 мая 1904 г.

Ком. 4-й Вост.-Сиб. стр. дивизіи.

РАПОРТЪ.

По разспросу раненыхъ и своему личному наблюденію я точно знаю, что отступление начали охотники командъ 13-го и 14-го полковъ, которые говорятъ, что отступить было приказано чрезъ охотника; они отступали впереди 5-й роты, которая, когда были скрыты ея укрѣпленія, долго стояла въ оврагѣ за своими траншеями и потеряла около половины своего состава; наличный составъ 100 человекъ убыло 67. Поэтому убѣдительно прошу Ваше Пр-ство, если на деле возможнымъ, не отрѣзать капитана Фофанова отъ командъ роты. Капитанъ Фофановъ во всѣхъ отношеніяхъ достойный офицеръ, я глубоко убѣжденъ, что военный прокуроръ въ поступкѣ капитана Фофанова не найдетъ состава преступленія.

Полковникъ Третьяковъ.

Адъютантъ поручикъ Глѣбъ-Кошанскій“.

Этотъ рапортъ не могъ убѣдить меня, что охотники оставили окопы раньше 5-й роты. 5-я рота оставила окопы, когда они были снесены. О томъ, что окопы были снесены, полковникъ Третьяковъ узналъ въ 11 ч. утра отъ уходившихъ стрѣлковъ 5-й роты, которые говорили ему: „нашей ротѣ досталось плохо, она ушла въ оврагъ“. Охотники же оставили окопы въ седьмомъ часу вечера.—Вотъ почему я не повѣрилъ собственнымъ глазамъ полковника Третьякова.

Въ то же время до меня дошло, что капитанъ Фофановъ донесъ полковнику Третьякову, что рота укрывается въ оврагахъ. Слѣдовательно, если это было такъ, то вина капитана Фофанова больше, такъ сказать, противъ тактики, а скрылъ отъ меня отступление роты не онъ, а полковникъ Третьяковъ, а потому миѣ хотѣлось тѣмъ болѣе выяснитъ это обстоятельство судомъ.

А потому являюсь къ генералу Стесселю и говорю: „вы донесли, что мы отступили по вашему приказанію?“—Да. „Но мы убѣждали раньше. Вы послали приказаніе въ 7 ч. 10 м.; а я получилъ его на посту „Перелетномъ“, въ часу девятомъ; мы же начали отступать—не было еще и 7 часовъ“.—Генераль Стессель отвѣтилъ: „я по-

слалъ приказаніе объ отступленіи, и мнѣ нѣтъ дѣла до того, получили ли вы его или нѣтъ: разъ я приказалъ отступать, я такъ и долженъ былъ донести“.

Далѣе онъ продолжалъ:—„Если бы я даже и не приказывалъ отступать, я все-таки донесъ бы, что отступили по моему приказанію; первое наше дѣло, и я донесу, что полкъ отступилъ безъ приказанія. Да какъ онъ могъ стоять противъ 400 орудій и 4-хъ дивизій“. Затѣмъ помолчалъ и сказалъ: „а вы до сихъ поръ не представили полковника Третьякова къ награждѣ“.—„Нѣтъ, не представилъ, и не могу его представить; а Фофанова согласенъ не предавать суду, но роту ему не дамъ“.—Тѣмъ дѣло и кончилось.

Третьякову только того и надо было. Будь тогда судъ, то толковъ такихъ, которые еще идутъ до сихъ поръ, не было бы. Самое большее, что полковникъ Третьяковъ былъ бы теперь подъ судомъ, какъ былъ недавно подполковникъ Киленинъ по дѣлу объ отступленіи роты Лопатина съ Куинсяна; капитанъ Лопатинъ былъ преданъ мною суду еще въ Артурѣ.

Какъ видите, я сплеховалъ, и за то полковникъ Третьяковъ посадилъ меня на скамью подсудимыхъ по 251 ст.

А. В. Фокъ.

